

**Социальный капитал современной России:
«инфляционная модель развития»
или стратегия созидания**

© М.П. Король

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Московской области «Университет «Дубна»,
г. Дубна, Московская область, 141982, Россия

Рассмотрен процесс трансформации России в новую капиталистическую страну посткоммунистического блока, в ходе которого россияне утратили ценности «коммунитарности» и стремление к участию в коллективных действиях, направленных на достижение общественного блага. Представлена роль политической элиты в глубинных институциональных преобразованиях, которые предполагают стратегию созидания общественного благосостояния.

Ключевые слова: государство, капитализм, модернизация, общественное благосостояние, политическая элита, социальный капитал

Социальный капитал и общественное благосостояние. Каждый момент общественного бытия порождает новое из себя самого, что приводит к непрерывной смене характеристик социальной жизни. Научная рефлексия данного перманентного процесса находит воплощение в создании многообразных концептуальных схем и в парадигмальных поворотах социальных наук. Вследствие этого социальный дискурс можно рассматривать как «пестрое мозаичное панно, в котором отражаются самые различные по величине, цветовой гамме, конфигурации составляющие» [1, с. 3], объединенные общим вопросом: что формирует ткань общества?

Поскольку способы получения знания об обществе трансформировались на основе изменения общей структуры научной деятельности, ее методологических и мировоззренческих принципов, то «в мастерских теоретиков общества» создавались конструкты и модели общества, соответствующие определенным фазовым контекстам развития науки. Так, представление общества целостной системой, социальным организмом, независимым от человека, в классической парадигме трансформировалось в представление об обществе как единстве социальных структур и активных действий личности в постнеклассике.

Действие — базовая дефиниция социального дискурса. Оно играет ключевую роль во многих социологических теориях: социальное конструирование реальности П. Бергера и Т. Лукмана, действующий человек А. Турена, агентство как сущность человека М. Арчер, социальная креативность Ю. Волкова, гуманистический поворот С. Кравченко и др.

Действие неразрывно связано с концептом «социальный капитал». Фактически термин «социальный капитал» в научный оборот в 1980 г.

ввел П. Бурдьё. Он рассматривал социальный капитал в качестве «совокупности реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью [durable networks] более или менее институционализированных отношений, основанных на взаимном признании — иными словами, с членством в группе» [2, с. 66].

Впоследствии сложился значительный круг ученых, которые занимались (и занимаются) разработкой теоретических представлений о социальном капитале и его границах на основе различных методологических подходов. Так, например, если обратиться к сравнительному анализу теорий социального капитала, созданных П. Бурдьё, Р. Патнэмом и Дж.С. Коулманом, то можно увидеть, что наряду с различиями, обусловленными познавательными интересами исследователей, существует общее в объяснении самого понятия. Теоретики рассматривают социальный капитал как «баланс личных и общественных интересов, который возникает и растет на индивидуальном, групповом и общественном уровне в результате взаимодействия участников контактов и их коллективных действий» [3, с. 99].

С конца XX в. концепция социального капитала находится в центре междисциплинарных исследований. Это позволяет определять социальный капитал через институты, отношения и нормы, которые обуславливают социальное взаимодействие, тем самым акцентируя внимание ученых на осознанной готовности индивида к участию в коллективных действиях, направленных на достижение определенной цели.

Таким образом, социальный капитал можно трактовать не только как ресурс, некий потенциал социальной группы или общества, но и как совокупность отношений, основанных на доверии и порождающих действия. Социальный капитал создает условия для координации и кооперации совместных действий ради взаимной выгоды.

Гипотетически можно предположить, что если люди небезразличны к своему будущему, то целью коллективных действий может выступать создание национальной экономики с позиций устойчивого экономического роста как основы для воспроизводства общественного благосостояния. В свою очередь общественное благосостояние предполагает полное удовлетворение социально-культурных, духовных и экологических потребностей людей.

Мерой благосостояния населения страны выступает индекс ВНД — валовый национальный доход. Однако он является лишь приблизительным показателем, далеким от того, чтобы в полном объеме отражать уровень материального благосостояния общества, поскольку не учитывает ряд важных факторов.

Измерить экономическое, социальное и экологическое благосостояние и реальное благополучие населения позволяет индикатор подлинного прогресса (genuine progress indicator — GPI), который не просто дополняет ВНД, а совершенствует его, так как учитывает более 20 параметров, представленных совокупностью экономических, экологических и социальных индикаторов, увеличивающих или снижающих благосостояние населения. В настоящее время в некоторых европейских странах делают перерасчеты показателя ВНД, используя индикатор GPI. Однако, судя по публикациям и

статистическим данным, российское научное сообщество мало уделяет внимания использованию этого индикатора применительно к экономике России.

В этой связи обратимся к ежегодному докладу Всемирного экономического форума, который является отчетом о глобальной конкурентоспособности. В этом документе страны распределяются на основе глобального индекса конкурентоспособности (global competitiveness index — GCI), составленного из 12 слагаемых, который оценивает способность стран обеспечить высокий уровень благосостояния своих граждан, что в первую очередь зависит от того эффективного использования ресурсов, которыми располагает страна. Рейтинг глобальной конкурентоспособности 2017–2018 гг., опубликованный аналитической группой Всемирного экономического форума, возглавила Швейцария (Россия на 38-м месте) [4].

Безусловно, современная социально-экономическая ситуация в российском обществе во многом определяется совокупностью политических, экономических и социальных факторов предшествующих периодов, а также испытывает влияние мировой рыночной конъюнктуры, международных противоречий и западных санкций. Приходит понимание того, что у этой проблемы нет простого решения. Обеспечить подъем экономики страны станет возможно, если предпринять шаги для роста производительности, расширения потока инноваций, снижения экономических рисков, увеличения стимулов. Именно поэтому актуальной становится активизация российского социального капитала.

Социальный капитал является одним из основных в комплексе всех ресурсов, которые могут обеспечить экономический рост для созидания общественного благосостояния. Если нет ожидаемого результата, то есть смысл проанализировать «слабые» места в структуре социального капитала, чтобы увидеть, почему он «не работает» как полноценный ресурс производства.

В структуре социального капитала выделяют такие элементы, как социальные сети, общие нормы и убеждения, культурные ценности и т. д. Единство норм и ценностей порождает, как правило, доверие между людьми [5]. Если, однако, рассматривать социальный капитал в контексте российской действительности, то можно обнаружить, что доверие как ценность — его наиболее уязвимая часть. Конечно, в масштабах всего российского общества, которое представляет собой множество «параллельных миров», рассуждать об общих ценностях и доверии весьма сложно. Правильнее рассматривать общественную атмосферу, в которой господствуют общие ценности и дух доверия, сплачивающие или, напротив, разъединяющие общество.

Попробуем ответить на вопрос: что же подрывает дух доверия в российском обществе? Для этого обратимся к 1990-м годам. Неолиберальные реформы Гайдара — Ельцина разрабатывались в сотрудничестве с экспертами МВФ и западными экономистами в целях демонтажа плановой экономики и запуска новой модели хозяйствования как основы капиталистического уклада. Однако реформы имели крайне ненадежные и амбивалентные результаты и стали причинами непрозрачности, нестабильности и

хаотичности социальной жизни, в которой проявлялась природная характеристика капитализма — порождать неравенство в доходах.

Трансформация общественных отношений и глубокие стратификационные изменения привели к нарушению базовых принципов справедливости, ощущению «неправильности» происходящего, что имеет следствием «нарастание атомизации, разрушающей непосредственно переживаемое чувство органической общности нации и, тем самым, устойчивой социальной солидарности россиян...» [6, с. 289].

Для осмысления новой конфигурации российского общества, возможно, есть смысл использовать модель дихотомии, т. е. простейшего расслоения социума на два крупных сегмента, противостоящих друг другу как принципиально неравные. Эти сегменты — правящая элита и социальные группы с нестабильным социально-экономическим положением и условным или сниженным статусом. Правящая элита защищена от рыночной стихии различными эксклюзивными правами и льготами, а «массовые сословия вынуждены брать на себя растущие риски, бороться за выживание в условиях рыночной конкуренции и свертывания социального государства» [7, с. 63].

На фоне российского капитализма и хронической бедности широких слоев населения обостряются противоречия между бедными и богатыми. Экспансия капиталистических отношений формирует российское общество, для которого становится привычным стремление граждан делать вклад в социально значимые сферы не из альтруистических побуждений помощи другим, а в целях обретения личного успеха и демонстрации личных способностей. Индивидуализация, становление частных миров оказываются для большинства россиян важнее коллективов, частью которых они являются, и значимее государства, от которого они не ожидают поддержки. Слабеют социальные связи, девальвируются ценности, разрывается целостная ткань общества, формируется «инфляционная модель» социального капитала.

Политическая элита и социальный капитал: национальный аспект. Характер социального капитала, который создается в рамках всего общества, определяется культурным наследием, традициями и обычаями, особенностями национального законодательства, он зависит от формы правления и проводимой государством социально-экономической политики. Именно государство в лице политической элиты, если оно культивирует демократические принципы, способно нейтрализовать негативные тенденции, ведущие к дестабилизации и неравенству и воссоздать дух доверия в обществе. Решение этой проблемы интегрирует в себе широкий комплекс составляющих. Рассмотрим некоторые из них.

Прежде всего это образ политической элиты. Согласно мнению ряда ученых, опирающихся в своих исследованиях на анализ кейсов, экспериментов и данные, полученные с помощью методов больших массивов и больших выборок large-n, «источником общественного доверия и социального капитала являются надежные, не коррумпированные, честные и справедливые органы власти, надлежащим образом осуществляющие публичную власть и функции управления» [8, р. 1014].

В решении классической дилеммы соотношения частного и общего блага политической элите следует стремиться к сближению позиций либерализма и коммунитаристики: этика общего блага, развиваемая в рамках коммунитаризма, обладает «значительным потенциалом для конструирования гармоничной социальной архитектуры современности» [9, с. 23].

Несмотря на противоречия между провозглашаемым равенством прав гражданина с вполне реальным неравенством в уровне жизни, политической элите надлежит разрабатывать программы, обеспечивающие создание социального-правового государства, в котором сохраняются «вера в возможность преодолеть неравенство благодаря труду и личным достоинствам или, по крайней мере, надежды, возлагаемые на такие изменения» [10, с. 28]. Это будет способствовать сохранению современной демократии.

Политическая элита должна осознавать, что, несмотря на глобализацию как общемировой тренд развития, именно «национальное государство остается важным звеном в процессе глубокой модернизации многих аспектов социальной и налоговой политики и до определенной степени в разработке новых форм управления и совместной собственности, представляющей собой промежуточную форму между государственной и частной собственностью, что является одной из главных задач будущего» [11].

Особенность российской политической элиты заключается в том, что она сформировалась в результате синтеза советской партийно-государственной номенклатуры «с элитами переходного периода, прежде всего бизнес-элитой, включая ее криминальный сегмент, с элитой, вышедшей из силовых структур» [12, с. 30]. В силу этой специфики российская элита в своем стремлении к созданию собственной комбинации гармонизации отношений между социальными группами, оздоровлению постсоветского общества не может не учитывать опыт социалистического периода. При всей неоднозначности и противоречивости истории коммунистического проекта можно говорить о том, что советской элите удалось сформировать беспрецедентный социальный капитал, а точнее скрепляющую сквозную социальную сеть, некую общественную атмосферу, которая сплачивала общество и развивала экономическую активность на определенном этапе становления социализма. В итоге в жизнь воплощались грандиозные замыслы от строек первых пятилеток до первого полета человека в космос.

Конечно, советское общество и общество постсоветское — это разные социальные проекты, но есть нечто общее, что должна учитывать политическая элита. Основой социального капитала выступает то, в какой мере людям свойственно понимание базовых ценностей, к которым однозначно относятся ценности самоидентификации. Человек соотносит себя со смыслами источников своего становления через принадлежность к некоторой объемлющей социальной общности, как, например, этнос, нация.

Как показали исследования, проведенные Институтом социологии РАН, «для подавляющего большинства наших сограждан идентификация себя с россиянами находится в настоящее время на периферии их сознания, но, учитывая ее подспудную распространенность, глубину и значимость, при определенных условиях возможна ее быстрая актуализация» [6, с. 291]. Мы полагаем, что правящая элита способна создать условия такой актуали-

зации, в частности, через институциональные преобразования и уступки, опираясь на заинтересованность общества в сохранении единства, целостности и самостоятельности страны, однако это потребует от нее сверхординарных политических и организационных усилий [13, с. 171].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Зборовский Г.Е. Метопарадигмальная модель теоретической социологии. *Социологические исследования*, 2008, № 4, с. 3–15.
URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/14807994>
- [2] Бурдые П. Формы капитала. *Экономическая социология*, 2002, т. 3, № 5, с. 60–74.
URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf
- [3] Блок М., Головин Н.А. Социальный капитал: к обобщению понятия. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 2015, сер. 12, вып. 4, с. 99–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialnyy-kapital-k-obobscheniyu-ponyatiya>
- [4] *Global Competitiveness Report 2017–2018*. URL: http://www.mpc.gov.my/wp-content/uploads/2017/10/GCR-2017_bi.pdf
- [5] Власов Ф., Стебаков А. Социальный капитал, его виды и противоречия. *Общество и экономика*, 2016, № 10, с. 18–30.
URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/47914272>
- [6] Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е. и др. О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М.К. Горшков, Р. Крумм, Н.Е. Тихонова, ред. Москва, Весь Мир, 2013, 400 с.
- [7] Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России. *Вопросы философии*, 2016, № 10, с. 58–68.
URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1501&Itemid=52
- [8] Rothstein B. Corruption and Social Trust: Why the Fish Rots from the Head Down. *Social Research. Winter*, 2013, vol. 80, no. 4, pp. 1009–1032.
URL: http://www.gu.se/digitalAssets/1470/1470629_804_2013_rothstein_1009-1032.pdf
- [9] Давыдов О.Б. Очевидность блага: этика коммунитаризма. *Вопросы философии*, 2017, № 4, с. 18–24. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1617&Itemid=52
- [10] Григорьев И. «Капитал» Т. Пикетти и «Капитал» Маркса. *Экономист*, 2016, № 6, с. 25–34. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/46936617>
- [11] Пикетти Т. *Капитал в XXI веке*. Москва, Ад Маргинем Пресс, 2015, 592 с.
- [12] Пляйс Я.А. *Политико-административная элита современной России: проблемы трансформации*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/politiko-administrativnaya-elita-sovremennoy-rossii-problemy-transformatsii>
- [13] Багдасарьян Н.Г., Король М.П. Социальное время современной России: многомерность или «калейдоскоп разорванных фрагментов». *Социальная политика и социология*, 2016, т. 15, № 3 (116), с. 166–174.
DOI: 10.17922 / 2071-3665-2016-15-3-166-174

Статья поступила в редакцию 06.06.2019

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Король М.П. Социальный капитал современной России: «инфляционная модель развития» или стратегия созидания. *Гуманитарный вестник*, 2019, вып. 3. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2019-3-608>

Король Марина Петровна — канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук, Университет «Дубна», г. Дубна, Московская область. e-mail: marina.korol4@gmail.com

Social capital of modern Russia: “Inflationary model of development” or strategy of creation

© M.P. Korol

Dubna State University, Dubna, 141982, Russia

The collapse of social structures of the socialist system in the 90s of the XX century led to the denial of the experience of the Soviet period in the history of Russia, the denial of an objective assessment of its achievements and failures. In the process of transformation into a new capitalist country of the post-communist bloc, Russians lost the values of “communitarianism” and the desire to participate in collective actions aimed at achieving public welfare. Social ties weakened, the integral fabric of the society was torn, and the “inflation model” of social capital was formed. Based on this, the author draws a conclusion about the role of the political elite in deep institutional transformations, which imply a strategy for creating public welfare.

Keywords: state, capitalism, modernization, public welfare, political elite, social capital

REFERENCES

- [1] Zborovsky G.E. *Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological studies*, 2008, no. 4, pp. 3–15. Available at: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/14807994>
- [2] Bourdieu P. *Ekonomicheskaya sotsiologiya — Economic sociology*, 2002, vol. 3, no. 5, pp. 60–74. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf
- [3] Blok M., Golovin N.A. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta — Vestnik of Saint Petersburg University*, 2015, Ser. 12, no. 4, pp. 99–110. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialnyy-kapital-k-obobscheniyu-ponyatiya>
- [4] *Global Competitiveness Report 2017–2018*. Available at: http://www.mpc.gov.my/wp-content/uploads/2017/10/GCR-2017_bi.pdf
- [5] Vlasov F., Stebakov A. *Obshchestvo i ekonomika — Society and Economics*, 2016, no. 10, pp. 18–30. Available at: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/47914272>
- [6] Gorshkov M.K., Krumm R., Tikhonova. *O chem mechtayut rossiyane: ideal i realnost* [What do Russians dream about: the ideal and reality]. Moscow, Ves Mir Publ., 2013, 400 p.
- [7] Martyanov V.S., Fishman L.G. *Voprosy Filosofii — Problems of Philosophy*, 2016, no. 10, pp. 58–68. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1501&Itemid=52
- [8] Rothstein B. Corruption and Social Trust: Why the Fish Rots from the Head Down. *Social Research*, Winter 2013, vol. 80, no. 4, pp. 1009–1032. Available at: http://www.gu.se/digitalAssets/1470/1470629_804_2013_rothstein_1009-1032.pdf
- [9] Davydov O.B. *Voprosy Filosofii — Problems of Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 18–24. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1617&Itemid=52
- [10] Grigoriev I. *Ekonomist — Economist*, 2016, no. 6, pp. 25–34. Available at: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/46936617>
- [11] Piketty Th. *Capital in the Twenty-First Century*. The Belknap Press of Harvard University Press, 2014, 452 p. [In Russ.: Piketty Th. Kapital v XXI veke. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2015, 592 p.].

- [12] Plyays Ya.A. *Politiko-administrativnaya elita sovremennoy Rossii: problemy transformatsii* [The Political and administrative elite of modern Russia: problems of transformation]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/politiko-administrativnaya-elita-sovremennoy-rossii-problemy-transformatsii>
- [13] Bagdasaryan N.G., Korol M.P. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya — Social Policy and Sociology*, vol. 15, no. 3 (116), pp. 166–174.
DOI: 10.17922 / 2071-3665-2016-15-3-166-174

Korol M.P., Cand. Sc. (Philos.), Assoc. Professor, Department of Sociology and Humanitarian Sciences, Dubna State University. e-mail: marina.korol4@gmail.com